

Н. Б. ВАХТИН

Европейский университет
Санкт-Петербург

«НАУКА И ЖИЗНЬ»: Судьба Владимира Иохельсона (По материалам его переписки 1897-1934 гг.)

Чем громче научное имя, тем сложнее увидеть за ним человека. Нам свойственно отказывать великим людям в праве иметь простые человеческие слабости. Великий ученый должен быть всецело предан науке, не думать ни о чем, кроме блага науки, не должен обращать внимание на мелочи жизни, не должен думать о деньгах... Мы миримся со слабостями в себе и в своих коллегах; нам можно быть ранимыми, капризными, эгоистичными, небрежными, нам позволительно делать ошибки, ставить личное благополучие выше интересов науки. Великим в этом праве мы отказываем.

И все же крупные ученые - тоже люди. Это, конечно, тривиально и, тем не менее, мы иногда об этом забываем. В данной статье мне хочется проследить судьбу одного из главных участников Тихоокеанской экспедиции Джесупа Владимира Ильича Иохельсона: его жизненный и научный путь, как мне кажется, неплохо иллюстрирует высказанное выше¹.

АННАЯ статья является продолжением серии моих исследований по истории Тихоокеанской экспедиции Джесупа². Статью 2001 года я закончил следующим пассажем:

“История этой экспедиции, как и долгая и трудная история публикации ее результатов, озарена отсветом грозных событий первой трети XX века, на фоне которых она проходила - Русско-японской войны (1905), Первой мировой войны (1914-1918), трех русских революций (1905 и две в 1917), войны между США и Мексикой (1914-1917), Великой депрессии в США (1929) и других событий в истории двух стран” (Vakhtin 2001: 89).

В этой статье я постараюсь проследить сквозь все эти грозные исторические события всего одну нить, одну человеческую судьбу.

Статья основана на переписке между главными действующими лицами Джесуповской экспедиции, прежде всего Франца Боаса и трех его русских коллег - В. И. Иохельсона, В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберга³. Эта переписка - бесценный источник для реконструкции как фактической, так и “интеллектуальной” истории Экспедиции, для воссоздания биографий людей, участвовавших в ней. Моя цель здесь - проследить судьбу

одного из главных действующих лиц Экспедиции - Владимира Ильича Иохельсона, прежде всего - в период после завершения экспедиции, то есть после 1902 года.

Из трех главных русских фигур истории Джесуповской экспедиции Иохельсон был, вероятно, финансово в наиболее уязвимом положении. Л. Я. Штернберг сравнительно рано “поставил” на официальную академическую карьеру и, соответственно, остался жить в России. Его положение в академическом мире медленно, но верно укреплялось: он стал одним из основателей Этнографического музея в Петербурге, писал научные статьи, участвовал в создании Института народов Севера (ИНС), читал там лекции. Постепенно он стал признанным и уважаемым ученым⁴.

В. Г. Богораз, не без воздействия своего бурного темперамента, избрал менее спокойную жизнь. Он не только писал этнографические и лингвистические статьи: он был очень активен в политической сфере, был несколько раз арестован за антиправительственную деятельность уже после возвращения из десятилетней ссылки в Сибирь; печатал публицистические статьи в периодических изданиях; писал и печатал художественные произведения. Он и после революции

оставался, пожалуй, наиболее публичной фигурой из “Большой Тройки”: был активным членом Комитета Севера⁵ и главной движущей силой в становлении Института народов Севера (ИНСа). Его общественное положение и авторитет полностью соответствовали его активности.

Положение Иохельсона было самым сложным отчасти потому, что он был на десять лет старше своих друзей, отчасти, опять-таки, по причине особенностей характера. Он никак не мог найти своего места в научных, общественных, интеллектуальных “структурах” - как до-, так и послереволюционных. По возвращении из Джесуповской экспедиции он, как кажется, хотел только одного: найти “тихую гавань”, где он мог бы спокойно обрабатывать свои полевые материалы, писать и печатать научные статьи и книги. Ему было все равно где жить - в Америке или в России, в Швейцарии, Германии или Англии: он готов был ехать куда угодно, селиться где угодно - интересовали его лишь, как он неоднократно писал в письмах, “условия”: будет ли он получать за свои труды достаточное вознаграждение, чтобы содержать себя и свою семью и иметь возможность отдаться научной работе.

Внешне хаотические метания Иохельсона по миру в период между 1902 и 1932 годами, если внимательно проследить имеющиеся данные, могут, как мне кажется, послужить подтверждением высказанного тезиса.

* * *

Владимир Ильич Иохельсон родился в г. Вильно в 1855 году и довольно рано начал принимать участие в революционном движении, вступив в партию Народной воли. В 1875-81 гг. он был уже активным деятелем партии и в 1881 г., чтобы избежать ареста, уехал в Швейцарию, где работал в партийной типографии, преподавал в русской школе и одновременно изучал, в течение шести семестров, общественные науки и экономику в Бернском университете. В 1885 году он вернулся в Россию и был тут же арестован, два года провел в одиночном заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и в 1887 году был сослан на десять лет в Восточную Якутию. Через некоторое время, уже в ссылке, он заинтересовался этнографией, стал изучать юкагиров, живших в этих местах, и ближе к концу срока своей ссылки (1894-1898) принял участие в знаменитой Экспедиции Сибирякова, организованной Русским географическим обществом.

Иохельсон вернулся в Европейскую часть России в 1898 году, тут же выехал в Швейцарию и возобновил занятия в Бернском университете. Однако курс он не закончил, поскольку в том же

1898 году получил приглашение участвовать в Джесуповской экспедиции, принял его и вновь отправился в Восточную Сибирь уже в другом качестве. Вернувшись в 1901 году, он провел несколько лет в Нью-Йорке, готовя свои материалы к публикации, затем в 1904-1905 годах жил в Цюрихе и Лондоне, в 1908-1911 годах участвовал в Экспедиции Рябушинского, занимаясь исследованиями этнографии и языка алеутов, и вернулся в Россию в 1912 году⁶.

По возвращении в Россию Иохельсон практически сразу получил место в Этнографическом институте - петербургской Кунсткамере, однако, его положение давало “право служить (public service) и после нескольких лет пенсию, но не заработную плату”, как Иохельсон писал в письме Осборну (см. ниже). Кроме того, Иохельсону было в этот момент уже 57 лет, и конечно должность “младшего этнографа”⁷ не только не могла его удовлетворить, но и была явно унижительна для специалиста его возраста, квалификации и репутации.

Неудивительно, что Иохельсон начал искать другие варианты. В архиве Императорской Публичной библиотеки хранится любопытный документ⁸, из которого ясно, что Иохельсон пытался получить место в библиотеке. Были, возможно, и другие попытки, но нет сомнения, что основной надеждой Иохельсона был Франц Боас и Американский музей естественной истории в Нью-Йорке. Следует помнить, что в 1908 году Иохельсон уехал с экспедицией Рябушинского, не завершив обработку материалов 1901 года, поэтому естественно, что его первым предложением было продолжить эту работу. 23 ноября 1912 года он писал Генри Осборну, Президенту Музея (AMNH-L):

“Этим летом в Лондоне я говорил с доктором Боасом относительно завершения моей юкагирской работы... Мне остается написать две части этой книги: о религии и мифах и о материальной культуре. Обработка моих материалов займет около года. Я был бы рад закончить мою работу над материалами Джесуповской экспедиции, не поднимая вопроса о вознаграждении. Однако мое существование зависит исключительно от моих научных занятий, и я не могу делать эту работу на \$600 [в год. - Н. В.], которые д-р Боас может мне предложить. Мне нужно \$1. 000 или более. Могу ли я просить Вас дать мне знать по получении сего письма, сможет ли Музей организовать это для меня. В противном случае я вынужден буду приняться за мои алеутские материалы... и оставить юкагирские незавершенными...”

Мне нужно знать, приниматься ли мне за материалы Джесуповской экспедиции или я могу располагать собой для новой работы” [над алеутскими материалами. - Н. В.].

На это письмо 28 декабря того же 1912 года ответил Фредерик Лукас, директор Музея; он предложил Иохельсону зарплату в размере 150 долларов в месяц на одиннадцать месяцев. Иохельсон, устроившийся к тому времени в Петербурге, принялся за работу над юкагирскими материалами.

В 1913 году Иохельсоны купили небольшой дом в Лесном, тогда близком пригороде Петербурга. В это время в районе Лесного начала складываться небольшая “колония” университетской профессуры; семья Богораза также поселилась здесь. Имея формальное положение в Кунсткамере и дополнительную финансовую поддержку от Американского музея, Иохельсон почувствовал себя относительно спокойно, хотя финансовые проблемы оставались; так, Иохельсон писал Боасу о том, что ему не хватает денег, поскольку все сбережения ушли на покупку дома (20 апреля 1913, APS/NYPL).

В письме Боасу (15 июня 1913, APS/NYPL) Иохельсон описывает свои обстоятельства: он получил подтверждение от некоего мистера Хеджа (Hedge), что последний хотел бы опубликовать по-английски его археологические материалы, однако не уверен, что сумеет найти деньги. Ситуация с мифологическими материалами такая же: Академия наук хотела бы издать их, но не имеет денег заплатить Иохельсону. Иохельсон пишет, что располагает обширными текстовыми материалами, прежде всего алеутскими, и спрашивает, не заинтересован ли Музей в их издании.

По-видимому, Боас написал Богоразу, чтобы выяснить мнение того об обстоятельствах Иохельсона и о его алеутских материалах. Богораз отреагировал в своем духе: несмотря на то, что Богораз и Иохельсон были друзьями и Богоразу было, несомненно, известно его положение, он постарался “оттеснить” Иохельсона и “продать” Боасу собственные материалы: он написал, что в алеутских материалах Иохельсона

“... обильно представлены тексты, хотя многие тексты весьма отрывочны. Что касается грамматики, я должен признаться, что не жду многого от его материалов... Я полагаю, что было бы лучше напечатать сейчас эскимосские тексты [то есть его собственные материалы. - Н. В.], поскольку они интереснее и должны быть изданы раньше. Я думаю, что всегда лучше вначале браться за более важное

и оставлять мелочи (minor things) на потом” (7 декабря 1913. APS/NYPL).

Сегодня нам известны обе коллекции: как “более важное” - эскимосские материалы Богораза, изданные небольшой книжкой (около 80 страниц грамматических материалов и около 70 страниц текстов) в 1949 году его учениками (Богораз, 1949), так и “мелочи” - алеутские тексты Иохельсона, опубликованные в виде огромного (почти 700 страниц!) и крайне интересного тома норвежским лингвистом Кнудом Бергсландом на 40 лет позже (Jochelson, 1990).

* * *

В 1914 году началась Первая мировая война, в 1917 – грянула русская революция, и переписка между основными участниками Джесуповской экспедиции прекратилась более чем на десятилетие. Воспользуемся этой паузой, чтобы вернуться немного назад и привести несколько цитат из писем Иохельсона, хорошо иллюстрирующих, как мне кажется, те мотивы, которыми Иохельсон руководствовался при выборе места жительства.

“Не успел я приехать в Нью-Йорк, как меня запрягли. В Музее я занят с 9 утра до 5 вечера, а дома вечером у меня другие работы... я начал с фольклора и верований коряков... Богораз начал с материального быта чукчей... Он уже 8 месяцев тут работает. Он пишет по-английски, а я пока пишу по-немецки, но через год надеюсь буду в состоянии писать по-английски. <... > наше положение хорошее, состоим ассистентами при музее, а жалование увеличено до 150 долларов в месяц. Наши коллекции и материалы произвели здесь эффект. Корреспонденты нас осаждают... В Академии [в России. - Н. Б.] мне предложили место младшего хранителя музея, и я теперь не знаю, где окончательно основаться. Хочется в России остаться, и отсюда жалко уезжать. Когда овладею английским языком, мне, наверное, дадут доцентуру” (Иохельсон-Пекарскому, 17 декабря 1902. РАН-И. Из Нью-Йорка).

“Ваше сообщение о месте в Академии меня совершенно не огорчило. Во-первых, я бы не согласился на те условия, которые Вы мне сказали в Петербурге; во-вторых, еще совершенно неизвестно, когда бы я мог приехать в Россию. В-третьих, я думаю, что отношение ко мне Радлова не вполне благосклонно. <... > Я могу устроиться в Америке, но нет охоты тут оставаться” (Иохельсон-Штернбергу, 30 марта 1903. РАН-Ш. Из Нью-Йорка).

“Вы зовете в Петербург. Я очень хотел бы поехать в Россию. Может быть еще

этой зимой выберусь. <... > Вы пишете, что легче стало жить, но как бы теперешняя эра “доверия” к обществу не закончилась так, как “сердечное попечение” Ва... овского. Во всяком случае, зима может принести немало интересного”⁹. (Иохельсон-Штернбергу. 16 октября 1904. РАН-Ш. Из Цюриха).

К 1905 году, когда началась первая русская революция, Иохельсон жил уже по преимуществу в Лондоне, наездами бывая в Швейцарии и Германии, получал регулярное жалование от Американского музея и работал над своими юкагирскими материалами. И вновь он колеблется, не зная, где обосноваться:

“Несмотря на тяжелое положение теперь в России, рвусь туда. Мне надоела жизнь за границей, хотя не знаю еще, как в России устроюсь. С Американским музеем у меня еще останутся связи по обработке юкагигов, и может быть еще поеду в другие экспедиции. Но хочется пожить в России” (Иохельсон-Пекарскому, 3 апреля 1906. РАН-И).

В 1906 году Боас написал Иохельсону, что он сумел договориться с Музеем и что Иохельсон имеет теперь возможность

“...продолжать работать в течение двух лет, начиная с 1 июля, на тех же условиях, что и в текущем году [т. е. за 150 долларов в месяц. - Н. В.] ...Полагаю, что, принимая это предложение, я сумел, в меру своих возможностей, соблюсти Ваши интересы и не позволил Музею эксплуатировать Вас, чего бы им, естественно, хотелось” (Боас-Иохельсону, 24 мая 1906. APS/NYPL).

Для характеристики того, как Иохельсон расставляет акценты в таких вопросах, как возможность зарабатывать, желание (или долг) заниматься наукой, нужно обратить внимание на то, что Иохельсон писал о Богоразе. В годы первой русской революции Богораз с головой окунулся в политическую деятельность, чем постоянно вызывал беспокойство Боаса, хотевшего, чтобы тот закончил подготовку к изданию своих Джесуповских материалов, и задававшего в письмах своим русским друзьям вопросы о положении Богоразы. Иохельсон ответил Боасу из Лондона, что ничего не знает о Богоразе, но что сомневается, чтобы Богораз смог в ближайшее время вернуться к работе над материалами экспедиции. Финансовая сторона, писал Иохельсон, Богоразу более или менее безразлична, поскольку он зарабатывает значительно больше журналистикой и литературным трудом. Лишь научный интерес и моральные соображения могли бы побудить его продолжить работу над полевыми

материалами, однако участие в освободительном движении приносит Богоразу - писателю и журналисту – значительно большее удовлетворение, чем научная работа (Иохельсон-Боасу, 23 августа 1906. APS/NYPL)¹⁰.

Тем временем Иохельсон, живущий за границей, так и не может решить, ехать ли ему в Россию:

“Нас очень беспокоят последние новости из России. Мы планировали поехать в Петербург в апреле, но нельзя сказать, что принесет ближайшее будущее” (Иохельсон-Боасу, 31 января 1905. AMNH-DA).

И в следующем, 1906 году Иохельсон пишет несколько писем, в которых выражает неуверенность относительно своего будущего - неуверенность, которая станет лейтмотивом его жизни на следующие 25 лет¹¹.

В феврале 1907 года Иохельсон наконец перебирается в Петербург, снимает квартиру и начинает устраиваться; однако это “воссоединение с родиной” продолжалось недолго. В марте 1907 года он сообщает корреспондентам свой новый Петербургский адрес, а уже в мае 1908 года он шлет Боасу открытку из Лондона, сообщая новый адрес в Лондоне. Он снова стоит перед той же проблемой: как прокормить себя и свою семью, как продать подороже те уникальные знания культур и языков коренных народов Сибири, которыми он один обладает.

Накануне 1906 года Иохельсон начинает обдумывать план новой длительной экспедиции и начинает переговоры о включении его в экспедицию Географического общества, организуемую на средства Рябушинского. Переговоры идут трудно, Иохельсон настаивает и очень волнуется, не получая ответа. Вот только одна цитата из его письма Штернбергу из Лондона в Петербург, в котором он просит Штернберга узнать, в каком положении его дела:

“Рябушинский обещал прислать мне в Лондон контракт и до сих пор от него нет ни слуху, а между тем, если ехать в Америку, мне надо сделать приготовления, или я должен сойтись с Боасом... Если Рябушинский изменил почему-либо свое отношение к моим планам, я должен также списаться с Советом географического общества... Я попал в ужасное положение... Главное, этот русский обычай не отвечать на письма и относиться к людям по-человечески только тогда, когда последние нужны... Ничего не бывает обиднее, как не получить ответа на письмо. К сожалению, таких хамских приемов придерживается Рябушинский... Боюсь, что найдутся люди, кото-

рые будут злорадствовать тому, что я попал в такое положение, что не знаю, что делать. Я списался со всеми и получил разрешение на раскопки на Алеутских островах... Прежде всего я должен знать, как мне говорить с Боасом” (Иохельсон-Штернбергу, 30 июня 1908. Из Лондона. РАН-Ш).

Боаса известие о том, что Иохельсон едет на Камчатку и Алеутские острова, не радует: это вновь означает задержку с работой над материалами Джесуповской экспедиции и нарушает все планы издания, о чем Боас прямо писал Богоразу (Боас-Богоразу, 31 марта 1908, РАН-Б).

В августе 1908 года Иохельсон наконец получает от Рябушинского подписанный контракт и начинает готовиться к отъезду. Эту поездку Иохельсон явно рассматривал как шанс укрепить свое положение как ученого и, соответственно, свои финансовые обстоятельства. В 1908 году он писал Богоразу, жалуясь в очередной раз на недостаток денег, и добавлял:

“Относительно моей предполагаемой поездки он [Бампус, директор Американского музея. - Н. В.] пишет: “Если Вы изберете Американский музей как место своего временного пребывания, мы будем рады предоставить Вам офис и т. п.” Эти экспедиции для меня большой козырь... Наделал шуму, мне пишут со всех сторон о предполагаемой поездке” (Иохельсон-Богоразу, 25 августа 1908. РАН-Б).

Весь тон письма выдает беспокойство Иохельсона относительно поездки: “...у меня впечатление, что не поеду... мне нужно что-нибудь предпринять... Мне не хочется сейчас вернуться в СПб” (то же письмо) - иными словами, ему необходима эта поездка, чтобы усилить свои позиции в науке: он готов вложить в эту работу силы и время при условии, что после возвращения у него появится, наконец, надежный источник существования.

Однако этот план удался не вполне: Иохельсон вернулся из своей алеутской экспедиции в 1911 году и вновь оказался в той же ситуации: его письма этого периода, как и все предшествующие, полны жалоб на плачевное финансовое положение, описаний попыток заработать, выгодно продать свои полевые материалы. Вот, например, письмо 1913 года, в котором он описывает историю своих отношений с Этнографическим музеем в Петербурге: он передал музею все свои этнографические коллекции, музей обещал заплатить, но все не платит - а Иохельсон в это время как раз купил уже знакомый нам домик в Лесном, все его сбережения ушли на это, и жить ему не на что... (Иохельсон-Боасу, 20 апреля 1913. APS/NYPL).

* * *

С началом войны, как я уже писал, в переписке Иохельсона, Богораза и Штернберга с Боасом, да и друг с другом, наступает длительный перерыв. В мае 1915 года Иохельсон писал Боасу из Москвы, описывая события последних месяцев: он был болен, ездил лечиться в Германию, где его и застала война; как гражданин России он был задержан на месяц, вернулся домой через Стокгольм. В феврале 1917 года к Боасу прорвалось одно письмо Штернберга, в котором тот описывает подробности работы над рукописью; после этого следующее письмо в этом собрании - это письмо Боаса Иохельсону, датированное 8 сентября 1921 года (спустя пять с половиной лет!), в котором Боас благодарит за отписки статей об Алеутских островах, присланные ему Иохельсоном летом. Боас пишет, что все эти годы пытался связаться со своими русскими коллегами, но безуспешно.

Иохельсон ответил немедленно:

“Вы не можете вообразить, как я был рад получить от Вас несколько добрых слов. Я показал Ваше письмо Богоразу и Штернбергу. Мы все теперь работаем в Музее антропологии и этнографии Академии наук - насколько вообще можно заниматься научной работой в нынешних условиях. Что касается меня, то я должен сказать, что лишения последних лет препятствовали моей работе над материалами моей последней экспедиции” (Иохельсон-Боасу, 10 октября 1921, APS/NYPL).

Восстановив связь с Боасом, Иохельсон начинает изучать возможности переезда на Запад. На этот раз у него нет сомнений в том, где именно он хочет жить: большевистская Россия не для него. Он начинает хлопотать о разрешении въехать в США, что в то время было непросто из-за отсутствия дипломатических отношений между Советской Россией и США. Он просит помощи у Боаса, извиняется за причиняемые хлопоты и добавляет:

“Вы не можете себе представить печальное положение культурного человека, для которого все зарубежные страны - под запретом. С огромным трудом и волнениями мы добились разрешения покинуть страну, однако, едва попытавшись реализовать эту возможность, мы наткнулись за рубежом на закрытые двери” (Иохельсон-Боасу, 23 ноября 1921, APS/NYPL).

Возможно, именно Боас посоветовал Иохельсону обратиться к директору Американского музея Генри Осборну; в письме Иохельсона

его обстоятельства и его намерения обрисованы очень определенно:

“Дорогой сэръ, я получил письмо от профессора Боаса относительно Вашего запроса по моим материалам, имеющим отношение к исследованиям в Сибири. Я напишу по этому вопросу подробный отчет проф. Боасу. Тем временем рискую обратиться к Вам с просьбой. Российская Академия наук поручила мне провести некоторую сравнительную этнологическую работу в американских музеях. У меня есть разрешения Российского правительства выехать из страны на год, но я не могу получить разрешение правительства Соединенных Штатов на проживание в Америке. Могу ли я попросить Вас рекомендовать меня Государственному Департаменту в Вашингтоне...” и так далее. Иохельсон заканчивает:

“Я планирую взять с собой в Америку все мои сибирские и аляскинско-алеутские материалы и рукописи, часть из которых вполне готова к изданию. Я поеду с миссис Иохельсон, имеющей диплом доктора медицины, которая обрабатывает наши обширные материалы по [физической] антропологии” (Иохельсон-Осборну, 17 января 1922, AMNH-L).

Планы Иохельсона вызвали в Американском музее легкий переполох. Боас, как всегда, пытался помочь, однако было неясно, кем будет финансироваться поездка Иохельсона. В письме Осборну (Боас-Осборну, 25 февраля 1922, AMNH-L) он советует “не запрашивать разрешения [на въезд Иохельсона. - Н. В.], пока мы не убедимся, что он не окажется здесь в трудном финансовом положении”. Однако в том же письме Боас формулирует удивительное предложение: поскольку материалы Иохельсона исключительно важны для “Джесуповского проекта”, Боас готов “отказаться от всех будущих притязаний, связанных с Джесуповской экспедицией, в случае, если Музей сочтет возможным выплачивать господам Богоразу, Иохельсону и Штернбергу разумную сумму ежемесячно за обработку тех материалов, которыми они располагают”, иначе говоря, Боас готов отказаться от собственной зарплаты, чтобы помочь своим русским друзьям.

На Осборна это предложение произвело впечатление; он пишет Лукасу:

“Прилагаю очень щедрое предложение профессора Боаса. Он готов закончить свою работу без дополнительного вознаграждения, что предполагает, что его вознаграждение будет передано господам Богоразу и Иохельсону. Прошу Вас обсудить это с куратором

Висслером [Кларк Висслер, куратор Музея. - Н. В.] немедленно по его возвращении” (Осборн-Лукасу, 2 марта 1922, AMNH-L).

Через три недели Висслер пишет:

“Я полагаю, что Музей обязан что-то предпринять; при условии, что Иохельсон и Богораз останутся в России, я бы рекомендовал Вам рассмотреть возможность выделить им жалование в 50 долларов в месяц до конца этого года и оставить на усмотрение профессора Боаса, в какой именно форме они должны будут отчитаться перед нами за эти средства... для нас было бы более желательным принять предложение профессора Боаса на принципе пятьдесят на пятьдесят, поскольку я полагаю, что он в этом деле излишне щедр” (Висслер-Шервуду, 27 марта 1922, AMNH-L).

30 марта 1922 года вопрос был окончательно решен письмом президента Музея Осборна. Он пишет, что считает “неразумным” приглашать Иохельсона приехать в США, пока тот не имеет достаточно средств, чтобы обеспечить себя на весь период поездки. “Музей никоим образом не может гарантировать ему содержание в этой стране... Поэтому я ничего не буду предпринимать, чтобы помочь ему получить разрешение...” - далее он отдает должное щедрому предложению Боаса и соглашается выделить по 50 долларов в месяц для Богоразы и Иохельсона до конца года, при условии, что оба они останутся в России, и на условиях пятьдесят на пятьдесят, то есть ровно так, как рекомендовал Висслер.

Почему из этого списка выпал Штернберг? Боас явно этого тоже не понимал, поскольку в своем следующем письме Осборну он ведет себя так, как будто бы существует по-прежнему три “получателя гранта”, советует разделить общую сумму в 900 долларов на три части, по 300 каждому, и описывает, какую конкретно работу каждый из троих должен будет выполнить (Боас-Осборну, 5 мая 1922, AMNH-L). Осборн не возражал (Осборн-Боасу, 10 мая 1922, AMNH-L).

Все “получатели гранта” отреагировали по-разному. Все трое “охотно приняли” обязательства написать соответствующие тексты для Боаса за указанное вознаграждение. Богораз, как кажется, отнесся к предложению равнодушнее других: на просьбу Боаса сообщить, как именно следует распорядиться деньгами, он оставил Боасу право решить технические детали - не подумав, видимо, что этим он ставит Боаса в нелегкое положение, поскольку в те времена не существовало простых способов переслать деньги из США в Советскую Россию¹². Штернберг более внимателен: он пишет, что у него есть

друзья в Нью-Йорке, некий мистер Джозеф Ратнер, которому он пошлет доверенность на распоряжение этими деньгами (Богораз-Осборну, 20 июня 1922. AMNH-L; Штернберг-Осборну, та же дата, там же).

Реакция же Иохельсона несколько неожиданна. В письме, написанном на неделю раньше и, видимо, независимо от своих друзей, он благодарит Осборна, принимает на себя обязательство представить требуемые материалы и, обращаясь к “гранту” в 300 долларов, просит “сохранить деньги для меня в Нью-Йорке до моего приезда в Америку, куда я намереваюсь прибыть в начале августа”. Следующее предложение - загадка:

“Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за Вашу любезную помощь в получении из Вашингтона разрешения приехать в Америку, и позволяю себе надеяться, что американский музей закончит публикацию моего юкагирского тома и сможет рассмотреть вопрос о печатании моих алеутских и камчатских материалов” (Иохельсон-Осборну, 13 июня 1922. AMNH-L).

Я только что цитировал письмо Осборна: “Музей никоим образом не может гарантировать ему [Иохельсону] содержание в этой стране”; “поэтому я ничего не буду предпринимать, чтобы помочь ему получить разрешение”; деньги были выделены “при условии, что оба они останутся в России”, и т. д. Осборн выразился очень определенно. И вот теперь Иохельсон благодарит его за содействие с визой и сообщает, что намерен приехать в США. Есть несколько вариантов: либо Осборн лишь изображал жестокосердного и сурового президента Музея, а втайне помог Иохельсону получить американскую визу, либо Иохельсону просто повезло, он получил визу и решил, что обязан этим Осборну. (Последнее, как мне кажется, более вероятно.) В любом случае, Иохельсона не так-то просто удержать на расстоянии: в конце лета (или в начале осени) 1922 года он приезжает в Нью-Йорк и появляется на пороге Американского музея естественной истории.

* * *

Осенью 1922 года Иохельсон активно восстанавливал связи в Музее, стараясь получить постоянное место, и не без успеха. В январе 1923 года Кларк Висслер, директор отдела антропологии, обратился к Осборну за разрешением принять Иохельсона на работу сроком на один год для составления этнографической карты Сибири - это явно был компромисс между тем, чем хотелось заниматься Иохельсону, и тем, что было нужно Музею. Осборн подписал месячный

оклад в 50 долларов, но предварительно хотел удостовериться, что Иохельсон закончил всю работу по своим обязательствам, связанным с Джесуповской экспедицией, за которую ему уже было заплачено раньше. Через два месяца Висслер вновь пишет Осборну:

“Я вижу, что Вы не хотите принимать никакого решения относительно дополнительной работы для д-ра Иохельсона до того, как станет возможно закончить Джесуповскую серию... Поскольку д-р Иохельсон свою часть закончил, я полагаю, что эти обстоятельства не освобождают нас от необходимости обдумать его ситуацию. Он - беженец из России (так, несмотря на то, что сам Иохельсон неоднократно подчеркивал, что находится в США в командировке по поручению Академии наук. - Н. В.), и через несколько месяцев не будет иметь никаких средств к существованию, кроме тех 50 долларов в месяц, которые Музей выделил ему на этот год. На это жить в Нью-Йорке он не сможет. Он поэтому глубоко удручен, и я полагаю, что мы должны как можно скорее принять какое-нибудь решение” (Висслер-Осборну, 19 марта 1923. AMNH-L).

Письма Иохельсона этого периода подтверждают, что он “удручен”. Он разочарован в том приеме, который ему оказали в Музее: он явно ждал большего. С того дня, как он вырвался из СССР и добился права приехать в США (что, как мы помним, стоило ему больших усилий), не прошло и шести месяцев, а он (трудно поверить в это!) вновь задумывается о возвращении в Петербург. “Вся беда в том, что я слишком стар для Америки. Американцы любят молодых”, - пишет он Штернбергу (Иохельсон-Штернбергу, без числа, 1923, РАН-Ш). В другом письме (Иохельсон-Штернбергу, 12 марта, 1923, РАН-Ш) Иохельсон признается, что, даже если ему удастся получить место в Музее, оно не будет постоянным, и что они с женой всерьез думают о возвращении в Россию.

Трудно описать ситуацию и настроения Иохельсона в этот период лучше, чем он сам это сделал в письмах домой - Штернбергу и Богоразу. Вот цитата из его письма:

“Мнение Боаса о невозможности пристроить здесь Ваших [Штернберга] статей... меня хотя и поразило, но я вспомнил, как я был разочарован, когда я увидел, что никого не могу заинтересовать своими алеутскими материалами (ведь American Natives!) “У нас лежат годами рукописи членов нашего scientific staff’a, как же мы возьмем Ваши работы”, сказали мне... <...> Нам скоро нужно будет отсюда уехать”

(Иохельсон-Штернбергу, около 27 марта 1923. РАН-Ш).

Дальше он просит Штернберга подыскать ему место в Музее в Петербурге и продолжает:

“Сегодня мне Вислер сказал, что для меня ассигновано до 1 августа по 150 долларов в месяц и я должен за это описать якутскую лекцию. Какие они свиньи. Во-первых, ни один из ассистентов не получает 150, а по меньшей мере 200. Во-вторых, я к первому августа не могу успеть”.

Вот еще одно, чуть более раннее письмо Богоразу, в котором Иохельсон жалуется на жизнь в США и пишет о планах возвращения в Россию в августе, если ничего не выйдет из его камчатской работы, то есть если ему не удастся получить от Американского музея деньги на обработку своих материалов. Его жена, пишет он, также плохо себя чувствует и тоже не любит Америку. 13 Иохельсон добавляет:

“Напишите, как насчет квартиры и что-нибудь о материальных условиях жизни вообще для нашего брата <... > Я лично был бы доволен, если бы мое положение было прочно. В конце концов, в какой другой стране я мог бы иметь те деньги, которые получаю здесь, на обработку материалов” (Иохельсон-Богоразу, 6 февраля 1924. РАН-Б).

Несколько месяцев спустя ситуация отчасти стабилизируется, хотя будущее по-прежнему неясно:

“В течение 20-месячного пребывания здесь я обработал Religion and Myths of the Yukagirs (скоро получу из Музея напечатанной), кончаю III часть юкагиров Material Culture и надеюсь, что она будет напечатана к моему семидесятилетию (1 января 1925 года). Отправил также в печать мою работу по алеутской археологии... Американский музей заключил со мной контракт, чтобы я за 2000 долларов в течение года составил руководство (handbook) по этнографии народов Сибири, Амура, Туркестана, Кавказа и соседних стран с картами <... > Как безработный этнолог я должен был взяться, и не то чтобы взяться, а ухватиться за это. <... > Одна квартира стоит 900 долларов в год. <... > Нахожу большое удовлетворение в том, что мои работы печатаются. Физически я кончаю седьмой десяток в сносном виде” (Иохельсон-Штернбергу, 8 июня 1924. РАН-Ш).

Проходит еще год, ничего не меняется: Иохельсон по-прежнему жалуется на высокую стоимость жизни. Зарплату ему платят как до войны, а цены выросли в три-четыре раза. Он сетует на отсутствие постоянного места, на старость, на болезни - и тем не менее добавляет:

“Я часто нахожу удовлетворение в научно-умственной работе, а печатание моих работ доставляет действительное утешение” (Иохельсон-Пекарскому, 25 апреля 1925. РАН-И).

* * *

Тем временем из России приходят все более ободряющие новости. Здесь нужно помнить, конечно, что почти все сведения, которыми Иохельсон располагает о жизни в СССР, в Ленинграде и в его научном кругу, он получает от Богораза, а Богораз не устает расхваливать жизнь в СССР, отчасти, видимо, опасаясь цензуры, но прежде всего - в силу некоторых черт своего характера. Лично у Богораза все в порядке, его дела устроились наилучшим образом. Он занят созданием нового, этнографического факультета Университета, он посылает студентов на “этнографические экскурсии”; он обсуждает с Боасом свои планы поездки в Германию и договаривается о встрече там; он описывает свою научную и частную жизнь как совершенно нормальную, полноценную жизнь крепко стоящего на ногах известного ученого и свободного человека - как будто в СССР не было в это время все растущего давления крепнущего тоталитарного государства на все стороны жизни человека. Вот, к примеру, выдержка из письма Богораза Боасу, в котором он описывает свою жизнь на факультете:

“В моем распоряжении - фонды в размере пяти тысяч рублей - примерно две тысячи долларов. Большинство студентов отправляются в разные районы средней и северной России, некоторые в Сибирь, на Кавказ и в Крым” (Богораз-Боасу, 8 июня 1924. APS/NYPL).

Он пишет далее, что собирается быть в Берлине одновременно с Боасом, пробудет в Европе два-три месяца, и выражает радость будущей встречи с Боасом “после стольких лет”.

Интонация письма откровенно хвастливая: в каждом слове подчеркивается, как хорошо стало жить по сравнению с дореволюционными временами. Упоминание “фондов в распоряжении” - явный намек: времена изменились, американские деньги, чтобы заниматься полевой этнографией, ему больше не нужны. И вообще все послереволюционные изменения - к лучшему: Богораз снова может, как и до войны, ехать в Европу, когда ему вздумается, и жить там сколько хочет, как будто ему не нужно каждый раз униженно просить разрешения у властей.

(Несколько лет спустя племянница Иохельсона Лидия Бродская напишет дяде письмо, в котором будет поддерживать его, подчеркивать

правильность его решения не возвращаться в Россию. Она расскажет, что получила письмо от родственника из Одессы, который описывает, как одна из двух книг, посланных ему Иохельсоном, была задержана цензурой под тем предлогом, что жизнь туземцев рисуется в ней не такой, какова она сейчас. Лидия продолжает:

“Нет сомнений, что там [в России. - Н. В.] у тебя не будет того, что есть в Штатах, а возможность иметь работу в Нью-Йорке, которую ты имеешь сейчас и будешь иметь всегда, всегда перетянет чашу весов в пользу Нью-Йорка, несмотря на все твои колебания и сомнения”.

И далее:

“Плохо, что все разговоры и обещания исходят от Богораза. Он - [нрзб.: irresponsible?] лжец, хотя я и не понимаю смысла его вранья. Конечно же, он купил все свои костюмы в Берлине, и невозможно объяснить, зачем он пытался тебя одурачить...¹⁴ Неиссякаемый источник энергии и настойчивости, с изрядной долей бесстыдства” (Л. Л. Бродская-Иохельсону, 24 ноября 1928. AMNH-L.)

Не только Богораз “соблазнял” Иохельсона вернуться, хотя другие были менее категоричны. Эдуард Пекарский, старый друг и коллега, писал в июне 1925 года:

“Мое внимание особенно привлекли следующие строки в Вашем, В. И., письме: “Но за всем тем у меня нет определенного обеспечения, и будущее неизвестно. Это очень тяжело на старости лет”. Так и хочется сказать Вам: приезжайте, для Вас здесь место всегда найдется, и жить и работать теперь стало гораздо легче, чем в пережитое нами время. Но от такого призыва меня удерживает соображение, что жизнь в Америке доставляет Вам такое удовлетворение, которого здесь, к сожалению, получить нельзя, - это печататься. Но если можно устроить дело так, чтобы продолжать печатать свои работы отсюда (вам это виднее), то я бы умолял Вас приехать...” (Пекарский-Иохельсону, 7 июня 1925. AMNH-L.)

Следующая фраза этого письма демонстрирует интересное изменение отношения Пекарского к трем “великим сибиреведам” - Богоразу, Иохельсону и Штернбергу:

“...то я бы умолял Вас приехать и занять здесь по праву принадлежащее Вам место серьезного этнографа, которого почему-то нужно было включать в тройку. Воля Ваша, а я Вас из тройки исключаю и вовсе не желал бы, чтобы эти планеты заимствовали свой свет от соседства с Вами. Мое впечатление такое в

последнее время, что свет этих “звезд” чем дальше, тем все больше меркнет - по крайней мере в столицах СССР. И этому нисколько не препятствует избрание [Штернберга. - Н. В.] членом-корреспондентом Академии наук, цена которому всем известна”¹⁵ (то же письмо).

Тяжелая ситуация “внутри” - неясность положения в Нью-Йорке и давление “извне” - письма Богораза о счастливой жизни в СССР и более сдержанные призывы Пекарского - склонили чашу весов: семья Иохельсонов решила вернуться на родину¹⁶.

* * *

История возвращения Иохельсона в СССР, так в конце концов и не состоявшегося, полна загадок. Вкратце фактическая сторона дела сводится к следующему.

В январе 1926 года Иохельсон написал Ольденбургу, тогдашнему Президенту Академии наук, частное письмо, в котором ссылался на более раннюю записку о своем желании вернуться в Ленинград из “затянувшейся командировки” в США, переданную Ольденбургу через Богораза и племянника Иохельсона Домгера, и обещает написать официально, как только освободится от американских обязательств (Иохельсон-Ольденбургу, 13 января 1926, РАН-Ш).

Реакция Академии была вполне положительной: Иохельсону приготовили место в Музее этнографии и профессорскую ставку в Ленинградском университете. Намерение Иохельсона вернуться в Россию выглядит серьезным: он пишет Богоразу:

“Что я уеду отсюда это вопрос решенный. Мне уж очень обидно, что мне приходится выпрашивать [у Американского музея. - Н. В.] средства на каждую отдельную работу” (Иохельсон-Богоразу, 9 мая 1926, РАН-Б).

Сравните его письмо Штернбергу:

“Мое оставление Америки состоится летом 1927 года” (Иохельсон-Штернбергу, 8 сентября 1926, РАН-Ш).

Однако он подчеркивает, что ему необходимо до отъезда закончить работу над алеутскими материалами, и что раньше он выехать не может. Он предложил Боасу доделать алеутскую работу в России, но Боас “скептически относится к тому, чтобы я выполнил свои обязательства в России. Он часто, например, вспоминает, что Вы и Штернберг не покрыли еще тех 300 долларов... Профессура в Ленинградском университете для меня очень соблазнительна ... но ввиду отсрочки моего отъезда еще рано распространяться об этом” (Иохельсон-Богоразу, 9 мая 1926, РАН-Б).

В декабре 1926 года Иохельсон получил из Академии официальное письмо, в котором его извещали, что для него “исхлопотан оклад старшего ученого хранителя” и что его ждут. В ответном письме он выразил радость и благодарность, но добавил, что за несколько дней до получения этого официального письма он подписал соглашение с Американским музеем об описании якутской коллекции, и не может не выполнить обязательство перед AMNH, так как никто, кроме него, описать коллекцию не в состоянии, и, кроме того, нужно скопить около 900 долларов для проезда в Россию и устройства на месте (Иохельсон-Карскому, 4 декабря 1926, РАН-МАЭ-б).

В январе 1927 года Иохельсон телеграфировал Ольденбургу о своем намерении приехать в Ленинград в начале сентября. В посланном одновременно с телеграммой письме он попытался получить разрешение Ольденбурга числиться в командировке с момента получения этой телеграммы и до его возвращения с тем, чтобы его оклад за 1927 год накапливался. Он мотивирует эту просьбу тем, что перед отъездом в Америку продал или роздал все свое имущество и всю свою библиотеку пожертвовал МАЭ. Деньги нужны ему на посещение Лондона, Оксфорда, Вашингтона для знакомства с тамошними музеями (Иохельсон-Ольденбургу, 14 февраля 1927, РАН-МАЭ-б; см. также: Карский-Президиуму, 30 января 1927, там же).

Ольденбург потребовал направить официальное прошение с указанием точной даты его, Иохельсона, возвращения в Россию: лишь после этого Академия сможет принять его на работу (РАН-Иохельсону, 19 марта 1927, РАН-МАЭ-б), что Иохельсон тут же и сделал, подтвердив, что он выезжает из Нью-Йорка в июле и будет в Ленинграде в сентябре (Иохельсон-РАН, 10 апреля 1927, РАН-МАЭ-б). Одновременно он пишет Богоразу, интересуется расписанием пароходов и добавляет:

“Вообще я очень устал и только мечтаю о том, чтобы скорее попасть на пароход. До скорого свидания” (Иохельсон-Богоразу, 17 апреля 1927, РАН-Б).

Однако чем ближе день отъезда, тем уклончивее становятся письма. В июне он еще планирует выехать из Нью-Йорка 16 июля и быть в Ленинграде в сентябре (Иохельсон-Богоразу, 27 июня 1927, РАН-Б). В августе он пишет:

“получил Вашу телеграмму, но легко сказать “немедленно поехать”. Мои две работы сдаются в печать... Я могу поехать не ранее чем через месяц” (Иохельсон-Богоразу, 25 августа 1927, РАН-Б).

Через пять дней он телеграфирует Богоразу: *“Выезжаю Нью-Йорка через две недели”* (Иохельсон-Богоразу, 30 августа 1927, РАН-Б).

В сентябре 1927 года Иохельсоны снова оказываются в Лондоне - первой остановке на пути в Россию. Они все еще колеблются, но наконец принимают окончательное решение. Иохельсон посылает Богоразу следующую телеграмму (18 октября 1927, РАН-Б):

“Простите не могу приехать серьезного сердечного приступа подробности письмом. - Иохельсон”

Возвращение в Россию не состоялось.

Месяц спустя Иохельсон все еще надеется, что ему удастся усидеть между двух стульев: он шлет письмо Ольденбургу с просьбой разрешить ему числиться в командировке от Академии в Вашингтон, Лондон, Оксфорд, Гамбург и Берлин для изучения тамошних музейных коллекций и сохранить за ним место в Ленинграде. Кажется, Ольденбург ему не ответил: его терпение тоже имело предел.

* * *

Почему же Иохельсон решил не возвращаться - после всех усилий получить место в Ленинграде, после многочисленных и наверняка нелегких хлопот своих друзей, которых он сильно подвел¹⁷? Ссылка на здоровье, видимо, правдива, и сердечный приступ, скорее всего, действительно был, но я не думаю, что это - единственная причина.

Основания считать, что проблемы со здоровьем были не единственной причиной невозвращения, дает то обилие объяснений причин своего решения, которые приводят в своих письмах Иохельсон и его жена. Мне кажется - хотя уверенным здесь, конечно, быть нельзя - что, если бы причиной изменения решения действительно был серьезный сердечный приступ, то не возникло бы нужды в других объяснениях. Сравните следующие пространные цитаты из писем супругов Иохельсон в интересующий нас период времени:

“Уже много времени прошло с тех пор, как Вл. Ил. послал Вам телеграмму, что не едет из-за болезни сердца... Во время наших сборов у Вл. Ил. сделался сердечный припадок... он думал, что умирает... Несмотря на уныние..., мы продолжали собираться в Россию... Когда же припадок повторился..., мы увидели, что стоим перед ужасной дилеммой: страшно ехать и казалось еще страшнее остаться в этой ужасной стране. Нас ждет неопределенное будущее: с июня В. И. без работы. В. И. ходил к Боасу, просил

помочь, тот обещал, но при второй встрече сказал, что получил письмо от Богораза, в котором тот очень сердится на В. И., что тот не поехал в Россию, и был уже с В. И. не так любезен. Нам было это очень больно - неужели Боас Вам ближе, чем Вл. Ил." (Д. Иохельсон-Богоразу, Иохельсон-Богоразу, 1 ноября 1927, РАН-Б, два письма в одном конверте).

Письмо заканчивается просьбой написать Боасу, попросить его поддержать Иохельсона, так как Боас очень уважает Богораза, и это ходатайство будет много значить. Иохельсон продолжает:

"Из письма Дины Лазаревны Вы видите, каковы были причины, заставившие нас отменить наши приготовления к отъезду... Но кроме состояния здоровья, я еще хочу прибавить, что не мог бы выполнить тех обязанностей, на которые Вы меня звали. Вы хорошо знаете, что я исключительно кабинетный работник, и чтобы я мог сделаться сразу лектором и администратором в 72 года - дело весьма сомнительное. После получения Боасом Вашего письма я заметил, что его отношение ко мне изменилось. Он не хочет снизойти к старости и болезни... а между тем он именно знает, какие у меня еще есть необработанные материалы, и у него в распоряжении находятся большие суммы на научные исследования" (то же письмо).

И еще две цитаты:

"...тем не менее мы остаемся здесь. Тому много причин. Прежде всего, для меня теперь устроилась работа в Музее... потом Боас имеет что-то в виду по обработке алеутских текстов... Я уже Вам писал, что я кабинетный работник и что было бы не экономно в моем возрасте тратить время на административную деятельность и преподавание и оставить после себя необработанные материалы... Затем суровый климат Ленинграда вовсе не подходит для старого человека с большим сердцем. Да и здешнюю обстановку, с которой свыкся, едва ли благоразумно менять при моем здоровье..." (Иохельсон-Богоразу, конец 1927 – начало 1928, но не позднее 12 января 1928, из Нью-Йорка, РАН-Б).

"Я сам очень хотел бы очутиться на родине среди людей, которых высоко ставлю и люблю. Но, к сожалению, не могу теперь приехать в Ленинград. Я заключил условие с Американским музеем, что опишу обширную якутскую коллекцию, собранную мною еще во время Джесуповской экспедиции, и что напишу том о якутах. Эта работа рассчитана на два года начиная с 1 января этого года... Еще две

причины удерживают меня от приезда в Ленинград. Первая - состояние здоровья... Вторая - это желание посвятить последние годы жизни обработке собранных материалов, а не административной работе или преподаванию" (Иохельсон-Карскому, 26 января 1928, РАН-МАЭ-а).

Думая о том, почему Иохельсоны не вернулись в СССР в 1927 году, нужно помнить, что перед ними не просто стоял выбор страны проживания: это был выбор между жизнью на Западе, где у Иохельсона при всей шаткости его положения несомненно была свобода научного творчества, и возвращением в коммунистическую Россию, страну, с которой у Иохельсона были связаны не очень приятные воспоминания тяжелых лет революции и Гражданской войны 1917-1921 годов, когда он много натерпелся¹⁸. Нужно иметь в виду также и то, что это нам сейчас легко оценивать ситуацию: мы многое знаем о жизни в СССР в конце 1920-х годов и о том, что предстояло пережить стране в последующие десятилетия, и у многих из нас сейчас нет сомнений в том, что Иохельсоны сделали правильный выбор. Конец 1927 - начало 1928 годов были временем, когда умирали последние надежды на то, что революция, ради которой сидели в сибирской ссылке Богораз, Иохельсон и Штернберг и за которую они боролись, принесет долгожданную свободу, хотя в середине 1927 года живший в эмиграции в 1922 году Иохельсон мог этого еще и не понимать.

Напрашивается очевидное объяснение того, почему намерения Иохельсона так неожиданно изменились¹⁹: приехав в Лондон, Иохельсоны могли узнать что-то такое, что открыло им глаза на положение в СССР. Они могли встретить знакомого, который рассказал им о том, что происходит в стране, и отговорил возвращаться; они могли прочитать что-то в газетах. Это возможно; даже в более ранних письмах друзей мы находим намеки на действительную ситуацию в Советской России²⁰.

И все-таки мне кажется, что это объяснение неполно. Здесь необходимо помнить две вещи: что Иохельсон преследовал в своем переезде в Россию вполне определенную цель и что все его надежды в достижении этой цели были на дружеские связи.

Основная (и, возможно, единственная) цель переезда для Иохельсона была все та же - найти тихую гавань. Идеалом для него было бы положение, при котором он смог бы спокойно заниматься научными исследованиями на базе своих обширных полевых материалов, гаранти-

рованно получая при этом достаточно для того, чтобы обеспечить себе, 72-летнему больному человеку, и своей семье пусть скромное, но достойное существование в кругу друзей и коллег.

К осени 1927 года Иохельсон начал опасаться, что все эти условия вряд ли могут реализоваться. Он боялся, что его слишком загрузят работой; у него не было ясного представления о том, как живут его друзья в Советской России²¹. Он был стар и боялся перемен. Но последней соломинкой послужило, по-видимому, известие о кончине Штернберга. Л. Я. Штернберг умер 24 августа 1927 года, как раз тогда, когда Иохельсоны готовились к отъезду из Нью-Йорка, и Иохельсон должен был узнать об этом сразу - скорее всего, из телеграммы Богораза. Мы не располагаем телеграммой или письмом Богораза Иохельсону с сообщением о кончине Штернберга, но в письме Богораза Боасу того же времени есть фраза: "После этой кончины мое положение здесь стало сложным и даже несколько двусмысленным" (Богораз-Боасу, 2 октября 1927, APS/NYPL). Эта смерть, смерть друга, должна была потрясти Иохельсона - тем более что Штернберг был на шесть лет младше него - и заставить заново задуматься о своем будущем и о будущем его работы, если он вернется в Россию.

Дальнейшая жизнь Иохельсона мало чем отличалась от того, что мы уже знаем. Он вернулся в Нью-Йорк, снова подписал временный контракт с Американским музеем. Денег у Музея в тот момент не было, но Иохельсон, благодаря посредничеству Боаса²², сумел найти финансирование у частного благотворителя Феликса Варбурга, который передал Музею 2000 долларов с условием, что эти деньги будут использованы на поддержку работы Иохельсона²³; поразительно, как быстро - всего за неделю! - была решена эта проблема. До конца 1929 года Иохельсоны жили и работали в Нью-Йорке, затем переехали во Францию, в Ниццу, купили там квартиру, и пошла та же жизнь: снова Иохельсон постоянно "теребит" Боаса письмами, предлагая разные проекты и прося за них денег, пишет для Боаса статьи, жалуется на здоровье, старость и неопределенность будущего...²⁴ В 1933 году Иохельсоны вернулись в Нью-Йорк, где В. И. и умер четырьмя годами позже, в 1937 году, в возрасте 82 лет.

С течением времени Иохельсон все больше убеждался, что, не поехав в Россию, он принял верное решение. Его отношения с коллегами и СССР становятся все хуже, пока наконец его замечания о Советской России и оставшихся там людях ни становятся откровенно издевательскими:

"Ты, конечно, знаешь из американских газет о том, что делается в этом гадючнике

под названием Советская Россия. Когда я или моя жена идем в туалет, мы говорим: "мне нужно сходить к большевикам". Вон как мы их уважаем" (Иохельсон-Лидии Домгер, 8 мая 1931, AMNH-L).

"Как тебе нравится, как эти Советские научные учреждения, при поддержке Богораза, меня эксплуатируют? Я написал им много всего, но не получил за работу почти ничего. <... > Я решил просто не отвечать этим Советским мерзавцам" (Иохельсон-Лидии Домгер, 13 сентября 1931, AMNH-L).

"Я получил Ваше и И. Н. Винникова письмо с просьбой написать работу о системе родства у юкагиров и алеутов. У меня, конечно, есть все материалы для этого, но могу писать только по получении вознаграждения в долларах... до сих пор (начиная с Хабаровской энциклопедии)²⁵ я ничего не получил за свои труды для советских изданий, кроме одной книги, стоящей три рубля... Сейчас я книг не хочу. Я стар и нездоров и нуждаюсь в средствах" (Иохельсон-Богоразу, 19 сентября 1931, РАН-Б).

В этой статье я постарался очертить жизнь ученого, который, собственно говоря, не требовал от жизни ничего чрезмерного - он просто хотел делать свое дело, получая за это скромное вознаграждение. Первая треть XX века - драматическая эпоха, полная развенчанных иллюзий, время крушения многих идеалов, казавшихся неколебимыми. Именно такая судьба постигла прекрасный идеал прошлого - символическую фигуру жюль-верновского ученого, преданного науке чудака, человека не от мира сего, имеющего достаточно средств, чтобы делать любимое - хотя и мало кому понятное - дело. Ученые оказались совсем в другом мире, мире прагматическом, утратившем интерес к знаниям ради знаний, в мире, который неохотно платит ученому за то, что тот просто делает свое дело. В этом мире ученому становилось все труднее "зарабатывать на жизнь" наукой: мы видели, как Иохельсон, одна из жертв этой смены идеологии, метался из страны в страну, из города в город в поисках тихой гавани, и так и не сумел ее найти.

"Ученый изучает природу не потому, что это полезно; он исследует ее потому, что это доставляет ему наслаждение, а это дает ему наслаждение потому, что природа прекрасна", - писал Анри Пуанкаре в 1908 году в своей знаменитой книге "Наука и метод" (Пуанкаре, 1983: 292). Это, конечно, верно не только для XIX века, но и для века XXI - несмотря на то, что мир, занятый войнами и революциями, склонен об этом забывать.

Библиография

Богораз, 1949. Богораз В. Г. Материалы по языку и фольклору азиатских эскимосов. Подг. к печати Г. А. Меновщиков и Е. С. Рубцова. Под ред. И. С. Вдовина. Ленинград: Учпедгиз, 1949.

Вахтин, 1993. Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993.

Зибарев, 1968. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917-1932). Томск: Томский гос. университет, 1968.

Люди и судьбы, 2003. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в Советский период (1917-1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Онищук, 1986. Онищук Н. Т. Создание советской национальной государственности народностей Севера. Томск: Томский гос. университет, 1986.

Пуанкаре, 1983. Анри Пуанкаре. О науке. М.: Главная редакция физико-математической литературы, 1983.

Скачко, 1930. Скачко А. 5 лет работы Комитета Севера // Советский Север. 1930. № 2. С. 5-37.

Jochelson, 1990. Jochelson, Waldemar. *Aleut Texts and Narratives. Collected 1909-1910 by Waldemar Jochelson.* Edited by Knut Bergsland and Moses L. Dirks. Alaska Native Language Center: University of Alaska, Fairbanks, 1990.

Vakhtin, 2001. Vakhtin, N. Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia. In: *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897-1902.* Ed. by Igor Krupnik & Bill Fitzhugh. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution: Washington D. C., 2001. Pp. 71-89.

Примечания

¹ Эта статья фактически - о финансировании: о недостатке финансирования, о попытках найти финансирование, о зависимости науки от финансирования. С другой стороны, она - о взаимоотношениях российской и американской науки, имеющих давнюю историю; то, о чем рассказано в этой статье, - одна из ранних страниц в этих отношениях.

² Это исследование стало возможно благодаря стипендии фонда Фулбрайта (ноябрь 1993 - февраль 1994), а также благодаря помощи сотрудников Американского музея естественной истории в Нью Йорке, прежде всего - Барбары Матэ и Тома Миллера. Предварительные результаты опубликованы - см.: Nikolai Vakhtin. Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia. In: *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897-1902.* Ed. by Igor Krupnik & Bill Fitzhugh. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution: Washington D. C., 2001. Pp. 71-89. Английский вариант настоящей статьи принят к печати в сборник по результатам конференции, посвященной Джесуповской экспедиции (октябрь 2002, Саппоро, Япония). Мой приятный долг - поблагодарить Игоря Крупника и Анну Сухорукову за их ценные замечания и помощь в работе над статьей.

³ Часть этой переписки хранится в Петербурге (ниже она обозначена сокращением РАН с индексом Б - Фонд Богораз, И - Фонд Иохельсона, Ш - Фонд Штернберга и т. п.). Вторая часть хранится в США: оригиналы писем Франца Боаса - в архиве Американского философского общества в Филадельфии (APS), копии - в нескольких местах, но я пользовался коллекцией Нью-Йоркской Публичной библиотеки (обозначено ниже как APS-NYPL). Еще одно место, где хранятся документы и письма Экспедиции - это,

естественно, Американский музей естественной истории в Нью-Йорке (AMNH), в котором много лет работал Франц Боас: библиотека Музея (отдел специальных собраний, ниже AMNH-L) и архив Отдела антропологии (AMNH-DA). Все письма, написанные по-английски, даны в моем переводе. Кроме писем, использованы и другие документы, прежде всего из Архива РАН и Архива Кунсткамеры (Музея антропологии и этнографии РАН); последние обозначены РАН-МАЭ-а: Архив Музея антропологии и этнографии, Фонд 142, оп. 1-1928, ед. хр. 3,1. 105: Документы МАЭ; и РАН-МАЭ-б: Архив Музея антропологии и этнографии, Фонд 2, оп. 1-1927, ед. хр. 15: Документы МАЭ.

⁴ В 1924 году Л. Я. Штернберг был избран членом-корреспондентом Академии наук.

⁵ 20 июня 1924 года Президиум ВЦИК, в основном в результате настойчивости Богораз, учредил новый государственно-общественный орган - Комитет содействия народностям Крайнего Севера, известный как "Комитет Севера". В состав Комитета вошли крупные государственные деятели и ученые-североведы. Комитету предписывалось: выяснение, разработка и проведение мероприятий, необходимых для хозяйственно-экономического подъема Севера; собирание сведений о жизни и нуждах народностей Севера; изучение их истории, культуры и быта; выяснение мероприятий для защиты их от эксплуатации; разработка основ административного и судебного устройства народностей Севера (см.: Скачко, 1930; Зибарев, 1968: 63-64; Онищук, 1986: 102-104; Вахтин, 1993: 19-24).

⁶ Материалы Российской Академии наук: Архив РАН, Ф. 2, оп. 1-1926, ед. хр. 11, 1. 111; Материалы Института изучения народов Советского Союза: Там

же, Ф. 135, оп. 1, ед. хр 2, л. 510. См. также: (Люди и судьбы, 2003: 184-185).

⁷ Материалы Института изучения народов Советского Союза: Там же, Ф. 135, оп. 1, ед. хр 2, л. 510.

⁸ Рекомендация известного русского географа и путешественника, вице-президента Русского Географического Общества П. П. Семенова-Тян-Шанского в адрес директора библиотеки Д. Ф. Кобеко (дело № 65 за 1912 год - "О службе г. Иохельсона", письмо от 11 апреля 1912 г.). Семенов-Тян-Шанский характеризует Иохельсона как крупного этнографа, описывает его научные достижения и продолжает: "После столь упорных непрерывных работ в поле, в тяжелой обстановке, В. И. Иохельсон чувствует себя уже не совсем в силах, по своему возрасту, продолжать научные изыскания экспедиционным порядком и желал бы посвятить себя кабинетной работе, тем более, что он имеет в руках огромное количество материала, собранного им по филологии и этнографии племен Дальнего Востока".

⁹ Здесь имеется в виду Петр Семенович Ванновский (1822-1904), министр просвещения в 1901-1902 годах, пытавшийся провести реформу высшего образования в России. Однако его план реформы был отвергнут лично императором. В этом плане несколько раз упоминалось выражение "сердечное попечение", ставшее впоследствии расхожим как символ благих намерений и незаконченных реформ.

¹⁰ В 1905 году произошел примечательный обмен письмами между Боасом и Богоразом, раскрывающий их отношение к сравнительной ценности научной работы и политической деятельности. В письме от 6 апреля 1905 года Богораз, извиняясь за то, что работа над *чукчами* идет медленно, объясняет это всеобщей увлеченностью происходящими событиями, которые отвлекают не только его, но и всех образованных людей России от дела; он пишет: "...Вы должны понять, что эпоха, подобная нынешней, случается в любой стране и у любого народа раз в столетия..." (Богораз-Боасу, 6 апреля 1905. AMNH-DA). На что Боас ответил две недели спустя: "Я прекрасно понимаю лихорадочное возбуждение настоящего момента и то, как трудно сосредоточиться на научной работе; однако если события вроде нынешних случаются раз в столетие, то исследования чукчей господином Богоразом случаются раз в вечность, и я полагаю, что Ваш долг перед наукой - опубликовать результаты Ваших исследований" (Боас-Богоразу, 14 апреля 1905. AMNH-DA; выделено мною. - Н. В.).

¹¹ Иохельсон-Боасу, 22 сентября 1906. APS/NYPL; ср. также: "В Швейцарии я встретил Клементца, который советует выждать и не ехать пока в Россию" (Иохельсон-Боасу, 24 октября 1906. APS/NYPL. Из Шарлоттенбурга); месяц спустя он пишет о планах вернуться в Петербург в январе (Иохельсон-Боасу, 22 ноября 1906. APS/NYPL. Из Шарлоттенбурга), однако январь проходит, и в феврале Иохельсон

снова собирается в Россию: "Я рад, что еду в Россию несмотря на печальное внутреннее положение (Иохельсон-Боасу, 25 февраля 1907. APS/NYPL. Из Шарлоттенбурга).

¹² В конце концов Боас решил послать Богоразу и Штернбергу продуктовые посылки, "поскольку все деньги, какие они получают, все равно будут потрачены на продукты" (Боас-Осборну, 19 июля 1922. AMNH-L).

¹³ В письме есть приписка Лидии Бродской - "Лильки", племянницы Иохельсона: "сердечный привет из проклятой Америки. Дядюшка недоволен, когда я с тетечкой ее бранила - но она такая неприятная страна - ужас".

¹⁴ Неизвестно точно, что именно она имеет в виду; по-видимому, в какой-то момент Богораз притворился, что надетый на нем костюм куплен в Советской России (что в те времена вряд ли было возможно), чтобы лишний раз подчеркнуть, что жизнь на родине налаживается.

¹⁵ Кстати, в 1927 году Эдуард Пекарский также был избран членом-корреспондентом АН.

¹⁶ Мотивы, подвигшие Иохельсона к возвращению, явно вновь включали надежду найти место, где он мог бы заниматься тем, чем хочет и как может, получая за это скромное вознаграждение. Жена Иохельсона Дина писала Пекарскому: "Все-таки я думаю, что в России людям легче живется, что там не приходится столько работать, как здесь" (Иохельсоны-Пекарскому, 4 июня 1926, РАН-И).

¹⁷ Вот что писал Богораз Боасу по этому поводу: "В. Иохельсон в последний момент, два дня назад, прислал каблогамму следующего содержания: "Sorry cannot come. Gross heart disease, letter follows". Конечно, ему 72 года, в его возрасте человек подвержен всяким болезням. Но из-за этого внезапного изменения планов я попал в нелегкое положение. Я все организовал для него наилучшим образом. Его зарплата в Академии пошла с июля... и работать бы ему пришлось ровно столько, сколько бы он сам пожелал. Я очень огорчен его отказом, и еще больше огорчен его болезнью - если она так страшна, как он пишет" (Богораз-Боасу, 13 октября 1927, APS/NYPL. Выделено мною. - Н. В.).

¹⁸ В 1921 году Иохельсон (как и Штернберг) был арестован ЧК, просидел месяц в камере и был освобожден по ходатайству Горького (Люди и судьбы... 2003: 185).

¹⁹ Возможно конечно, что говорить об изменении намерений вообще неуместно - что Иохельсон на самом деле вообще не собирался возвращаться в Россию и просто обманывал своих друзей, делавших все для того, чтобы добыть для него место в Академии наук. Однако этот вариант не кажется мне правдоподобным: мы видели, что Иохельсон всегда был человеком нерешительным, всегда колебался перед лицом серьезных жизненных решений. Однако он был че-

ловеком прямым и честным, вряд ли способным на подобный обман.

²⁰ Сравните: “Мне часто приходилось вспоминать Вас и Д. Л. в связи с разными музейными делами и я... всегда приходил к заключению, что вы были бы на той же стороне, что и я. Это мое заключение имеет основание в полной уверенности, что у вас до сих пор сохранилась в полной мере моральная устойчивость, что вы были и остались европейцами в лучшем смысле этого слова. Расшифровывать смысл сказанного было бы очень долго, и если бы я и попытался сделать это, то сколько бы я ни написал вам, многое все-таки осталось бы недоговоренным, а вас погрузило бы несомненно в глубокую грусть. Достаточно сказать, что морально я перестрадал много, видя моральное понижение людей, которых я так любил и уважал при всех их недостатках” (Пекарский-Иохельсону, 7 июня 1927, AMNH-L).

²¹ Он писал в письме Штернбергу, что получил письмо от Богораза, который “очень мрачно теперь настроен”, и добавляет, что из газет невозможно понять, что происходит в России (Иохельсон-Штенбергу, без числа, 1927, РАН-Ш).

²² В декабре 1927 года Боас писал Богоразу, по-видимому, в ответ на жалобы последнего на то, как много он, Богораз, сделал для Иохельсона: “Положение Иохельсона беспокоит меня не меньше, чем Вас. Все эти годы было очень нелегко добиваться того, чтобы у него был подобающий доход”, и добавляет, что “теперь все устроилось” (Боас-Богоразу, 15 декабря 1927, APS/NYPL).

²³ См.: Иохельсон-Боасу, 3 ноября 1927, APS/NYPL; Боас-Варбургу, 4 ноября 1927, APS/NYPL; Варбург-Шервуду, 7 ноября 1927, AMNH-L; Лукас-Варбургу, 9 ноября 1927, AMNH-L (два письма с одной датой); Варбург-Шервуду, 10 ноября 1927, AMNH-L).

²⁴ См.: Иохельсон-Боасу, 22 ноября 1931, APS/NYPL; Иохельсон-Боасу, 29 апреля 1932, APS/NYPL; Иохельсон-Боасу, 28 февраля 1933, APS/NYPL; Иохельсон-Боасу, 31 июля 1934, APS/NYPL).

²⁵ Имеется в виду проект издания региональной энциклопедии Дальнего Востока; Иохельсону были заказаны некоторые статьи, но ни одного тома энциклопедии так и не было напечатано - не по вине составителей, естественно. См. подробно: Н. Б. Вахтин. “За успех безнадежного дела”: история невыхода Энциклопедии Дальневосточного края. (В печати).

Nikolai Vakhtin

«Science and Life». The Fortune of Vladimir Jochelson (Based on His Correspondence 1897-1934)

This article, written by Nikolai Vakhtin, PhD (European University in Saint Petersburg), is devoted to one of the main participants of Jesup North Pacific Expedition, an extraordinary anthropologist of the end of XIX - beginning of XX centuries, Valdemar (Vladimir) Jochelson. The author tried to show the life of the scholar, who wished from life the only thing – to do his work and receive modest earnings. The article is filled with correspondence between Jochelson and his colleagues – Franz Boas, Valdemar Bogoraras and Leo Shternberg. Readers can see through these letters how scholars worked in the common atmosphere of 1920s.

